Чистякова О. Н.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/91.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15): в 2-х ч. Ч. II. С. 208-211. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

жет сравниться с английским и в чем-то даже превзойти его. Не последнюю роль здесь играет огромный набор самых разных лексических единиц, фразеологизмов и идиом, которыми так богат родной язык Канта, родоначальника немецкой классической философии. От студентов технических вузов не требуется знания большого разнообразия лексики. Однако фразы и клише, типичные для адекватного акта коммуникации во время профессионального общения, должны войти в перечень обязательной для заучивания в каждом отдельном семестре лексических единиц.

Сложностей не избежать и при изучении грамматики: в немецком языке по сравнению с английским грамматический ряд выглядит более тяжелым для восприятия из-за специфики таких категорий, как род, выраженный в употреблении артикля, и падеж. Последние иногда представляют серьезную трудность в плане освоения словаря (ведь запоминать имя существительное нужно вкупе с его родом) и опять же грамматики (выстраивая фразу, нельзя забывать о том, в каком падеже употреблено существительное). Без учета грамматической категории рода существительного и падежа могут возникать казусы при переводе, прежде всего, сложных существительных с немецкого языка на родной. В качестве примера можно привести неправильный перевод многими студентами словосочетания “im Staubecken” как «Staub/ecken - в пыльных углах» вместо «Stau/becken в водоеме». Несмотря на то, что падежей всего четыре, знание соответствующих форм нужно довести до автоматизма с помощью набора соответствующих дрилловых упражнений. Это поможет овладеть навыками разговорной речи для осуществления в будущем диалога с инженерами немецкоговорящих стран на профессиональную тему.

Овладеть грамматикой немецкого языка в полной степени, как справедливо полагают многие, весьма непросто. Однако в отличие от английского языка в немецком не такая многоступенчатая система времен глагола. Те же, кто уже говорит на немецком языке, утверждают, что его легко осваивать, поскольку он подчиняется жесткой логике и имеет четкие правила - не в пример английскому, где исключений бывает гораздо больше, чем самих законов. Учитывая, что в техническом университете мы не готовим будущих лингвистов, целесообразнее правила по грамматике формулировать в краткой форме, вычленяя самое основное и значимое для понимания, например, в виде таблиц, схем или грамматических конструкций. Для более эффективного усвоения временных форм глагола их лучше предъявлять одним блоком, начиная с трех основных форм глагола, так как каждая из них служит для образования того или другого времени. Такой системный подход в отношении времен глагола в немецком языке способствует лучшему усвоению грамматических форм глагола.

Не менее сложным для студентов оказывается осуществление перевода текстов технического содержания с немецкого языка на русский. Это, связано, прежде всего, с двумя причинами: с одной стороны, они не владеют грамматическими навыками настолько, чтобы суметь соединить переведенные ими разрозненно словосочетания в одно целое, и с другой стороны, отсутствием специальных знаний по предмету, т.к. специализация у них начинается после окончания изучения иностранного языка. Хотя технический текст переводить легче, чем текст художественный, это не снимает требований к точности и грамотности перевода. Основную трудность могут представлять специализированные термины, а также некоторые синтаксические конструкции, свойственные языку научно-технической литературы или языку газеты [Голубев 2005: 28]. В таких текстах очень часто употребляются определенные грамматические конструкции, знание которых существенно облегчит понимание текста и адекватный перевод с одного языка на другой. Это следует учитывать при прохождении со студентами соответствующих грамматических тем, делая существенный акцент на различных вариантах перевода таких грамматических конструкций с немецкого языка на русский. Необходимо давать студентам перечень глаголов, типичных для стиля технических текстов, особенно глаголов, которые в зависимости от их употребления с тем или иным предлогом меняют свое значение. Помощь также могут оказать ролевые игры в переводчика. Они способствуют не только повышению мотивации изучения языка, установлению благоприятной эмоциональной атмосферы на занятии, но и увеличению степени концентрации внимания на изучаемом учебном объекте и, соответственно, прочности его усвоения.

Перечисленные возможности преодоления трудностей при изучении студентами немецкого языка способствуют преодолению целого ряда проблем, связанных с усвоением иноязычной культуры, и вносят значительный вклад в процесс эффективного обучения студентов иностранному языку.

Список использованной литературы

1. Голубев А. П. Немецкий язык на экзаменах: трудные места и типичные ошибки / А. П. Голубев, Г. Н. Бесова, И. Б. Смирнова. - М.: ИД-МАРТ; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2005. - 152 с.

2. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению «550800 - Химическая технология и биотехнология» от 5 апреля 2000 г.

ЭКСПЛИКАЦИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Чистякова О. Н.
Казанский государственный университет

Модель мира в каждой культуре строится из целого ряда универсальных концептов, отношения между которыми носят национально обусловленный характер и отражают миропонимание данного этноса. Кон-

цептосфера художественного текста отражает не только и, возможно, не столько узуальное понимание мира, сколько индивидуально-авторский способ восприятия и отражения мира. Особое место в художественном пространстве текста занимают топонимические концепты.

Как известно, топоним в тексте представляет собой свернутый текст, своеобразный текст в тексте, обладающий потенциалом культурно-исторических знаний, сознательно побуждаемых автором и создающих ассоциативный пространственно-временной континиум. Ведь топонимы связаны с историей, неотторжимы от нее, являются носителями информации о прошлом, знаками определенных культурно-исторических событий [Бабенко 2004: 186].

В данном исследовании остановимся на экспликации топонима КАВКАЗ в поэме А. С. Пушкина «Кавказский пленник». Следует отметить, что Кавказ занимает совершенно особое место в творчестве русских писателей Х1Х века. Кавказу посвящены ряд стихов и поэма «Кавказский пленник» и Пушкина. Думается, что применительно к Кавказу с полным правом можно говорить о нем как о концепте, так как он тесно связан с отечественной историей и обращение к нему русских писателей было не случайным. Как правило, под концептом понимают ментальное национально-специфическое образование, планом содержания которого является вся совокупность знаний о данном объекте, а планом выражения - совокупность языковых средств [Маслова 2005:27]. Для художественного текста актуальным становится индивидуальное значение знака, формирующееся на основе личного опыта [Салмина 2001: 71].

Рассматриваемый концепт КАВКАЗ в поэме Пушкина «Кавказский пленник» связан с определенным географическим местом, где в то время шла война между русскими и чеченцами. Структурно-содержательная сторона данного концепта, как любого топонимического концепта, в поэме «Кавказский пленник» включает в себя две составляющие:

1) прежде всего, *пространственную составляющую*, обусловленную топонимическим характером концепта и представляющую собой реальное географическое пространство и виртуальное художественное пространство поэмы. Согласно антропоцентрической теории М. М. Бахтина, пространство художественного текста может представлять собой мир извне - как окружение человека и мир изнутри - как кругозор человека [Бахтин 1974: 14]. Так вот, пространство в поэме «Кавказский пленник» - это мир, изображаемый извне: с одной стороны, как окружение человека, в данном случае это все то, что окружает лирического героя, что он сам непосредственно воспринимает; с другой стороны - это описание пространства самим автором;

2) *антропологическую составляющую*, также обусловленную топонимическим характером концепта и представляющую собой людей, населяющих данное пространство, находящихся в нем.

Безусловно, данные составляющие в структуре топонимических концептов носят универсальный характер. Уникальность же будет заключаться в репрезентации данных составляющих в конкретном художественном тексте, отображающей особенности индивидуально-авторской картины мира.

В рамках данного исследования остановимся лишь на одной структурно-содержательной стороне концепта КАВКАЗ, а именно, на его антропологической составляющей. Данная составляющая связана с персонажами поэмы, людьми, помещенными в художественное пространство. Структурными элементами данной составляющей в поэме являются черкесы, казаки и лирический герой, русский пленный. Особенностью данного произведения является то, что в изображении русских и черкесов отсутствует оппозиция «свой-чужой», хотя это две воюющие стороны, враги. Сами знаки *враги*, *враг* встречаются в поэме лишь два раза: с позиции лирического героя, попавшего в плен: *«Лица врагов не видит он…»* и в строфе, посвященной казакам: *«К брегам причалил тайный враг,/Стрела выходит из колчана - /Взвилась - и падает казак/С окровавленного кургана»*. Данные знаки - не столько показывают отношение поэта к горцам как к врагам, сколько свидетельствуют о двух противоборствующих сторонах, являющихся в этой войне врагами. Особый интерес представляет описание именно черкесов, с которыми воюет Россия.

Для обозначения данного этноса в поэме используются как не оценочные знаки-квалификаторы, так и оценочные, экспрессивные, причем сама оценка может быть как отрицательной, так и положительной. К не оценочным можно отнести такие знаки-квалификаторы, как *чеченцы*, *горцы*, *народ*: «*Меж горцев пленник наблюдал/Их веру, нравы, воспитанье…» // «С полей народ идет в аул…» // «…на своих порогах,/Черкесы праздные сидят»*. Что же касается оценочных квалификаторов, то (+/-)знаки оценки зависят от того, о какой жизни черкесов идет речь: мирной или военной. В мирной жизни это необычный для европейца и русского народ со своими обычаями, нравами и традициями, которые не вызывают никакой негативной реакции у поэта, а, напротив, вызывают симпатию и уважение. Отсюда для обозначения черкесов в мирной жизни используются такие знаки-квалификаторы, как *народ чудный*, *сыны Кавказа*, *хозяин благосклонный*, *мирная семья*: «*Но европейца все вниманье/Народ сей чудный привлекал» // «Когда же с мирною семьей/Черкес в отеческом жилище/Сидит ненастною порой…» // «…К нему войдет пришлец усталый/И робко сядет у огня, -/Тогда хозяин благосклонный/С приветом, ласково, встает/И гостю в чаше благовонной/Чихирь отрадный подает»*. Мирная жизнь, которую ведет этот народ, привлекает поэта и лирического героя своей незамысловатостью, безыскусственностью (знак *простота*), а основным характеризующим свойством черкесов становится радушное отношение к гостю (знак *гостеприимство*): *«…Любил их жизни простоту, гостеприимство…»*.

Что касается этнической характеристики данного народа, то ее вполне можно применить не только к черкесам. Как нам кажется, современный русский человек, русский человека Х1Х века, равно как и сам Пушкин, практически не знакомы сейчас и не были знакомы тогда с отличительными особенностями разных

этнических групп, населяющих и населявших Кавказ. Характеристика, данная черкесам в поэме, - это характеристика горца вообще, причем достаточно стереотипная характеристика, включающая в себя описание одежды, оружия и таких качеств, как быстрота, ловкость, проворство. Универсальность данной характеристики, применимой к любому кавказскому народу, подтверждается еще и тем, что в поэме отсутствует описание внешности черкесов. Показательно, что применительно к одежде так же, как и к жизни черкесов, в качестве характеристики используется знак *простой*, сближающийся для лирического героя с понятием красоты: *«Он любовался красотой/Одежды бранной и простой»*. В качестве элементов одежды упоминаются только «косматая шапка» и «бурка черная». Основным же элементом одежды для черкеса является оружие (не случаен в характеристике одежды знак *бранный*): *«Черкес оружием обвешен;/Он им гордится, им утешен…»*. Знаками-репрезентантами оружия выступают номинации видов оружия: *«На нем броня, пищаль, колчан,/Кубанский лук, кинжал, аркан/И шашка, вечная подруга/Его трудов, его досуга»*. Что касается качественной характеристики этого народа, то основные его качества связаны с жизнью не мирной, а бранной - это быстрота, сила, ловкость, то есть все то, что помогает в битве остаться живым, знаки-репрезентанты *быстрота*, *сила*, *проворный, непобедимый, непреклонный*: *«…пленник наблюдал…/Движений вольных быстроту,/И легкость ног, и силу длани…» // «…вид/Непобедимый, непреклонный»*.

Естественно, характеристика горца будет неполной без упоминания о коне, который наравне с оружием играет особую роль в жизни кавказцев и пользуется у них особым отношением. В поэме Пушкина знаками-репрезентантами такого особого положения этого животного у горцев и особого к нему отношения черкесов выступают знаки *богатство*, *товарищ*: *«Его богатство - конь ретивый,/Питомец горских табунов,/Товарищ верный, терпеливый»*.

Иные знаки-квалификаторы для обозначения черкесов используются при описании жизни военной. Во время военных действий это коварный, жестокий и беспощадный враг, о чем свидетельствуют такие знаки-квалификаторы с явно выраженной негативной оценкой, как: *коварный хищник*, *гроза беспечных казаков*, *злодей*, *черкесы грозные*, *черкес суровый*, *грозный Кавказ*. Вообще война и все, что с ней связано, становятся одной из основных семантических составляющих образа черкесов. В этом опять проявляется стереотипное представление о горцах как о народе, не созданном для мирной жизни, народе, смыслом жизни которого является война: *«…Летал по воле скакуна,/К войне заранее приучаясь» // «Но скучен мир однообразный/Сердцам, рожденным для войны» // «Воспоминают прежних Дей/Неотразимые набеги…/И пепел разоренных сел…»*.

Однако следует отметить, что, несмотря на данные знаки, у поэта нет ненависти к этим людям, скорее есть сочувствие к ним и оправдание их беспощадности: черкесы воюют, защищая свое пространство, свой образ жизни, отстаивая свою независимость от внешнего мира. Пожалуй, для самого поэта, всегда стремившегося и к личной, и к политической свободе, самым привлекательным в горцах становится их свободолюбие. В поэме черкесы становятся романтизированным символом свободы, независимости, непокорности. Именно поэтому основной семантической составляющей образа черкесов становится стремление к независимости, свободе, воле. Любопытно в этой связи рассмотреть знаки-репрезентанты данной семантической составляющей.

С одной стороны, в поэме встречаются знаки *свобода*, *свободный*, с другой стороны, - *вольность*, *вольный*, *воля*. Как видно, по отношению к чеченцам чаще используются знаки с семой «воля», чем знаки с семой «свобода». За этими знаками стоит особое понимание свободы и воли русскими. Согласно В. В. Колесову, «Свобода….для русских не понятие, а символ, в котором совмещено сразу несколько смыслов, перекрывающих друг друга и явленных лишь в определенном контексте» [Колесов 2004: 107]. Если вывести некое общее значение из всех, стоящих за словом «свобода», то это будет «возможность жить и действовать без всякого рода ограничений». Для русских характерно несколько романтизированное представление о свободе, как бы поэтизация произвола действий, ибо в понимании русского свобода - это выражение личной воли и воли народной, свобода для всех равная [Колесов 2004: 108]. Воля же в русской традиции понимается как свобода от прав, от принципов, «она заявляет себя в форме бунта, деструкции» [Маслова 2005: 168]. Данные национально обусловленные представления о свободе и воле нашли отражение и в поэме Пушкина «Кавказский пленник». Следует вспомнить, что Пушкин считается выразителем сущности русского духа, «певцом свободы». Именно он объединяет свободу как нечто рациональное, свободу общественно-политическую и свободу индивидуальную - вольность.

Именно в образе черкесов в поэме наиболее ярко выражаются представления поэта о свободолюбии, независимости. Значение «независимость» репрезентируется в поэме знаком *вольность*: *«Черкесской вольности ограда»* (о горах) *// «…дикой вольности любовь»*. Любопытно, что и по отношению к казакам употребляется знак *вольный*: *«Простите, вольные станицы…»*, - что еще раз подчеркивает важность для поэта свободы, воли в символическом смысле. Следует также отметить употребление по отношению к черкесам знака *дикий*, репрезентирующего значение «необузданный, свирепый, суровый»: *«дикого народа нравы» // «дикие питомцы брани» // « дикой вольности любовь»*. Данные знаки (*вольность* и *дикий*), на наш взгляд, не случайны в поэме и взаимосвязаны: они помогают создать образ народа, необузданного в своем стремлении к свободе, что у поэта не может не вызывать симпатии. А заключительные строки поэмы в Эпилоге пронизаны сочувствием поэта к народу, утратившему свободу и независимость: *«Смирись, Кавказ: идет Ермолов/…Кавказа гордые сыны/Сражались, гибли вы ужасно;/Но не спасла вас ваша кровь,/Ни очарованные брони,/Ни горы, ни лихие кони,/Ни дикой вольности любовь!»*. В поэме по отношению к черкесам лишь один

раз встречается знак *свобода*, репрезентирующий близкое к значению знака *вольность* значение «независимость»: *«…в горах черкес суровый/Свободы песню запевал»*. Также один раз встречается знак *свободный*, репрезентирующий значение «непринужденный, не испытывающий стеснения»: *«Младенцы смуглые, нагие,/В свободной резвости шумят»*.

Что касается образа русского пленного, то по отношению к нему употребляются знаки *свобода*, *освобожденный*. Причем по отношению к русскому используются два знака *свобода*. Один знак репрезентирует значение «независимость», однако, учитывая приведенную поэтом историю данного персонажа, семантическая составляющая «независимость» для этого образа приобретает дополнительные смыслы: герой стремится к личной свободе проявления чувств, к свободе действий, к независимости от высшего света, - именно поэтому он отправляется на Кавказ, являющийся для него неким символом свободы и воли: *«Покинул он родной предел/И в край далекий полетел/С веселым призраком свободы» // «Свобода! Он одной тебя/Еще искал в пустынном мире»*. Другой знак *свобода* репрезентирует значение «состояние не находящегося в плену, в неволе»: *«Свободу, родину забудь» // «Вотще свободы жаждет он»*. Близок в своем значении ко второму знаку *свобода* и знак *освобожденный* - «получивший свободу, избавившийся от плена»: *«Тропой далекой/Освобожденный пленник шел»*. Любопытно, что по отношению к герою-пленнику лишь один раз употребляется знак *волен*, который, в отличие от знаков *вольность*, *вольный* в описании черкесов, во-первых, сближается по значению со вторым знаком *свобода* (не плен), во-вторых включает в себя сему «свободный выбор в любви»: *«Ты волен, - дева говорит,-/Беги…»*.

Семантическая составляющая образа черкесов - стремление к независимости, свободе, воле - становится основной составляющей понятия «любовь», лежащего в основе создания образа черкешенки. Именно в этом образе, на наш взгляд, особенно ярко проявилось романтическое начало: отсутствует подробная характеристика образа, нет в нем индивидуальности, весь этот образ - воплощение любви. Кроме этого, отсутствует этническая характеристика образа, есть лишь указание на этническую принадлежность, не более: «*черкешенка младая*», «*дева гор*». Описание этого персонажа выполнено в романтической традиции и может быть легко применимо к любой романтической героине: *«взор умильный, жар ланит» // «голос нежный» // «нежный взор» // «бедная дева» «юная дева» // «младенческая душа»*. Более того, любовь черкешенки к пленнику является славянской по сути и описана в русле русской ментальности, в которой любовь понимается как преображение форм свободы, как свободное личное чувство, в любви важен тот, которого ты любишь; русское понимание любви включает в себя и любовь-страдание, и любовь-жалость, и любовь-милость [Колесов 2004: 104-106]. Героиня сама выбрала, кого ей любить, она помогла пленнику бежать, она пожелала остаться свободной в любви и покончила с собой - все это противоречит и религиозным, и этническим законам народа, к которому она принадлежит.

Таким образом, особенности антропологической составляющей топонимического концепта КАВКАЗ в поэме А.С.Пушкина «Кавказский пленник» обусловлены индивидуально-авторским пониманием данного концепта, что нашло отражение и в семантике данной составляющей, и в особенностях ее репрезентации.

Список использованной литературы

1. **Бабенко Л. Г.** Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов / Л. Г. Бабенко. - М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004.
2. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопр.языкознания. – 1974. - № 3. - С. 25-34.
3. **Колесов В. В.** Язык и ментальность / В. В. Колесов. - Санкт-Петербург, 2004.
4. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В. А. Маслова. - Мн.: ТетраСистемс, 2005.
5. **Салмина Л. М.** Коммуникация. Язык. Мышление / Л. М. Салмина. - Казань, 2001.

ИНТЕРНЕТ-ТАНДЕМ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ НАВЫКОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ОТДЕЛЕНИИ[1]

Шерстюкова Е. В., Пересыпкин А. П., Колесников А. А.
Белгородский государственный университет

В последнее время все чаще слышатся пожелания более интенсивного использования современных технических средств в процессе обучения. И хотя данное направление разрабатывается уже давно, тем не менее, остаются вопросы, требующие дополнительных исследований. В качестве примера нам хотелось бы показать, какую роль созданная мультимедийная среда может играть при обучении немецкому языку на переводческом отделении. В качестве системообразующего компонента обучения мы выбрали языковой Интернет-тандем.

В переводе с английского языка **тандем** означает *вместе, совместно*. Что же это такое? Языковой Интернет-тандем − это совместное дистанционное обучение иностранному языку двух партнеров из разных стран, каждый из которых, являясь носителем языка, помогает другой стороне в его изучении. Известно, что обучение в одиночку менее эффективно, чем обучение совместное, поэтому отправной точкой для успешно-

[1] Издание осуществлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-06-55617а/Ц.